ИВ. НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ

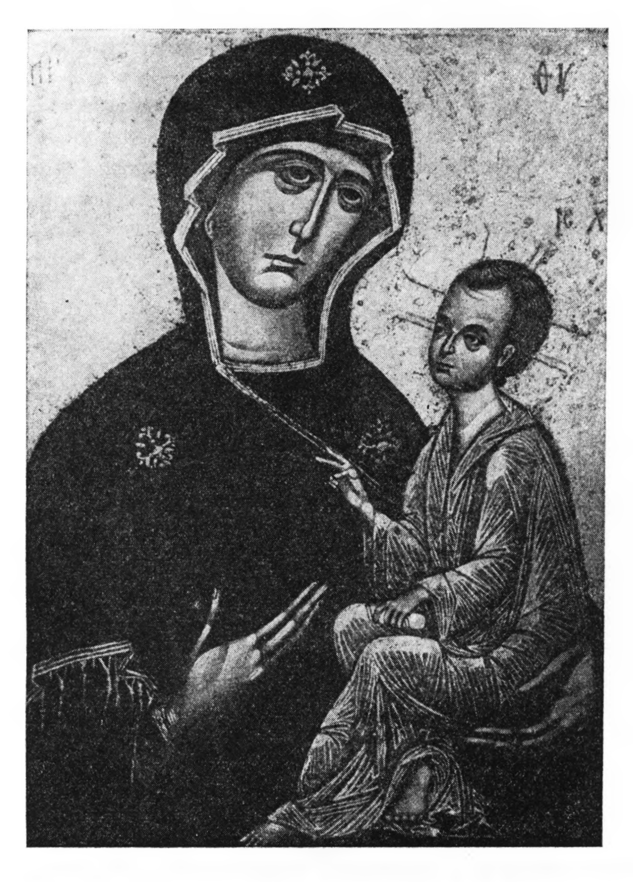
МАТЕРЬ БОЖИЯ ДЕРЖАВНАЯ

ПАРИЖ

ИВ. НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ

Матерь Божия Державная

Чудны лики Твои Пресвятая

Издание — Друга Белого Воина Ек. Серг.
Париж
1966 год.

Gesamtherstellung: I. Baschkirzew Buchdruckerei, 8 München-Allach, Peter-Müller-Straße 43.

В ОБИТЕЛИ ДРЕВНЕЙ

...И в той обители Господней, древней, стояла Она Матушка, в чудной дивности храма, в Иконостасе.

И повешены были пред святою иконой кандилы величенные, иные из чистого золота, иные же сребро позлащены — числом четыре на десять и горели денно и нощно во славу и честь святые онные Иконы и в память незабвенную неизреченную чудес Ее...

Проф. М. Л. Гофман

Об Ив. НОВГОРОД-СЕВЕРСКОМ

Ив. Новгород-Северский, поэт совершенно особенный, непохожий ни на кого другого, ни на предыдущих поэтов, ни на своих современников, но настоящий Божией Милостью Поэт.

О чем он пишет? — Совершенно безразлично. Важно его поэтическое восприятие и поэтическое выражение мира. Диапазон его творчества громадный . . . Он мог написать одно или два стихотворения, и все равно был бы громадным поэтом.

Содержание поэзии Новгород-Северского глубоко богато и разнообразно, так как он, несомненно, один из самых культурных людей нашего времени. Также точно пишет он незабываемые стихи о Сибири, о Тайге, как и молится в своих стихах Богородице.

Это — второе свойство поэзии Новгород-Северского — молитвенность его поэзии, та молитвенность, которой так много в поэзии Пушкина, как например, в Пушкинском: «Отцы Пустынники и Жены непорочны».

Новгород-Северский никому не подражает, как не подражает и Пушкину, но выходит на те же самые вершины высокой святой поэзии. Поэзия есть молитва, это ни к кому так не применимо, как к Новгород-Северскому и *молитвенность* сказывается у него не только в стихах религиозных, но и в стихах совершенно чуждых религиозным мотивам. Можно писать о чем угодно и быть рели-

гиозным поэтом, независимо совершенно от содержания.

В применении к Ив. Новгород-Северскому можно применить слова Жуковского: «Поэзия — есть Бог в святых мечтах земли», а у Новгород-Северского всюду — святая земля и святая красота, и этим он отличается от современных поэтов, которые, *пишут* стихи, а не молятся в стихах, а Новгород-Северский постоянно молится и заражает своей молитвой читателя.

М. Гофман

... «Это книжка всколыхнула у меня в душе все, что в ней было и осталось русского, древнерусского, настоящего, своего, родного. И подивилась я, каким чувством любви к родине, и каким чутьем к русской истории надо обладать, чтобы сложить эти песнопения.

ИВ. НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ наводит на радостные мысли: кажется, что стоишь у ворот, у преддверия нового русского взлета, нового русского творчества, нового православного искусства. А воспетые им лики Пресвятой Богородицы, так дивно звучащие строки этих песнопений, звучат Русской весенней радостью перед зарей Воскресения» ...

Е. Латышева.

— Легенды о Божией Матери ... великого народа говорят сами за себя. Их нужно читать, перечитывать и вникать в глубокую народную мудрость в прекрасном сказе Ив. Новгород-Северского ...

От издательства

МАТЕРЬ БОЖИЯ ДЕРЖАВНАЯ: — СВЕТЛАЯ ОБИТЕЛЬ СТРАННИКОВ БЕЗДОМНЫХ

2 марта, в день святителя Арсения, епископа Тверского — празднование Державной иконы Божьей Матери.

День торжественный весенний;
Сердце снова оживет —
Просиял святой Арсений,
К светлой радости зовет.
Для Царицы сил небесных,
От зари и до зари,
В песнопениях чудесных
Расцветают тропари.
Мир ликует православный,
В церкви шествует народ:
Богородицы Державной
Вешний праздник настает.
На развалинах Казани
Ты пылала Купиной...
Огради от лютой брани
Нерушимою стеной —
Нам, вотще в скитаньях сущим,
Где спасения искать?..
Вне отечества живущим
Ты прибежище и Мать!

ВЛАДИМИРСКАЯ

23 июня — день Всех Святых в Российской стране просиявших, сретение иконы Божией Матери «Владимирской».

Чудны лики Твои, Пресвятая!
Дивны думы Твои и дела
Многоцветною ризой сияя
Ты отчизну мою вознесла.

Омофором нетленным покрыла —
Грезит Русь у Престолов Твоих
В ней небесная высится сила
Сонмом наших великих святых.

Предстоят . . . И Тебя прославляют,
Озаряют и нас неживых
И о нас пред Тобою взывают
В неустанных молитвах своих.

РАДОСТЬ ВСЕХ СКОРБЯЩИХ

Посвящается Храму Ее Имени.
23 июля, в день святого Феофила празднование чудотворной иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте».

Я в вихре перемен кружащих
Стою во храме сам не свой.
Со мною Радость Всех Скорбящих,
Христос — Младенец, как живой
Отрадно им в большом киоте,
Где свечки — дар восковый пчел,
А вот Георгий, будто в лете.
Под крышей звезды . . . Я не счел!
Горят они нездешним светом,
Хоть и в сусальном серебре —
Не раз бывали мне ответом . . .
А вот мой Бог. Копье в ребре.
Из раны кровь струей сочится,
Мне тяжко . . . Но ведь Он воскрес?
И ввысь душа, как будто птица
Поет: — Воистину Воскрес!

ЖИВОНОСНЫЙ ИСТОЧНИК

Икона Божьей Матери «Живоносный Источник» празднуется в пятницу на Пасхальной неделе.

Неупиваемая чаша . . .
И Невечерний Тихий Свет!
В ночи — Молитвенница наша,
А днем — «Благоуханный Цвет».

Ее имен не перечислить,
Ее чудес не рассказать,
О них нам трудно даже мыслить —
О них лишь сердце может знать.

БОЖИЯ МАТЕРЬ СМОЛЕНСКАЯ, «ОДИГИТРИЯ»: — ПУТЕВОДИТЕЛЬНИЦА

28 июля — «Непорочная... Чистая голубица, вместившая Бога, скиния»...
(Канон на Введение Божьей Матери).

Расступитесь, дали синие —
Дайте тропку Богородице!
Не Она ль Святая Скиния,
И не в Ней ли небо сходится
И с землей, и с нами темными...

Пресвятая Богородица,
Попечалься над бездомными!

БОЖИЯ МАТЕРЬ «КАЗАНСКАЯ»

8 июня Казанской Иконы Божией Матери, Великомученика Прокопия, блаженного Прокопия Устюжского, праведного Прокопия Устьянского.

— «Радуйся, Заступница усердная рода христианского».
(Из акафиста Пресвятой Богородице Казанской).

Богоданной звездой
Ты явилась на Русь.
Пред иконой Твоей
Неустанно молюсь.
Огради сохрани
В эти скорбные дни.
И молитвами нашими
Радуйся,
Радуйся, заступница усердная
Рода христианского.

ПУТИВЛЬСКАЯ

2 мая, перенесение мощей благоверных князей: Бориса и Глеба; иконы Божией Матери «Путивльской».

Не в Путивле плачет Ярославна.
А по всей родной земле,
С нею Матерь Божья неустанно
Сыну молится во мгле.
Русь моя, вечерняя зигзица,
Веруй, в горести своей!
Не скорби, Небесная Царица
Внемлет жалобе твоей.
Глеб, Борис, князья, святые братья
Звезды зрят у наших берегов
И придут по зорьке с Божьей ратью
В легком шелесте лугов
Тихой тропкой . . .

Плачет Ярославна
Не в Путивле, не в Кремле
Пред иконой Матери Всеславной,
А по всей родной земле.

НЕРУШИМАЯ СТЕНА

В неделю Всех Святых празднование иконы Божьей Матери «Нерушимая Стена».

— «...Пред ними пойдет стенорушитель; они разрушат все преграды»...

(Книга пророка Михея, гл. 2).

Как море бурною порою
Грозна житейская волна...
Мы за Тобой, как за стеною,
О, Нерушимая Стена!

Но будь для нас Стенорушитель,
Когда в пути настигнет тьма,
Когда и Божия обитель
Послужит миру, как тюрьма.

Как море бурною порою
Грозна житейская волна...
Мы за тобой, как за стеною,
О, Нерушимая Стена!

„Нерушимая Сила"

Слова Ив. Новгород-Северского

Музыка А. А. Лебедева

Allegro [illegible]

Передавалось в Radio Пари-Инф[illegible]

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ БЕД

Икона Божьей Матери «Избавление от бед» празднуется на неделе «Всех Святых».

Всех страдающих икона
«Избавление от бед»,
Будто в отблесках Сиона
Нам сияет с давних лет.

Вечно сла́вься, Мати Дева,
На неделе Всех Святых,
В торжествующих напевах,
У лампадок золотых.

ЗНАМЕНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «КУРСКАЯ-КОРЕННАЯ»

Икона знаменья Божьей Матери Курской была обретена 8 сентября 1295 года у корня большого дуба на реке Тускара.

Кто нас не мыкал безликих,
Чья не пинала нога?
Все же, в усильях великих
Мы побеждали врага
Шайки татар и Шемяка,
Польская голь и паны.
Колокол жалобно звякал
В пламя и смут, и войны.
Ты нас спасала над бездной
Наших же дел и грехов
Верим, что полог Твой звездный
Будет нам скит и покров!

БОГОЛЮБСКАЯ

18 июня, иконы Божией Матери «Боголюбской».
4 июля, благоверного князя Андрея Боголюбского.

Просиявшая для подвига
В Боголюбове-селе,
Собрала Ты нас, и подняла,
И пошла по всей земле.

Князь Андрей Тобой прославился.
Пред иконою Твоей
Он, порой, грешил и каялся . . .
Все бывало в смене дней!

У Тебя и помощь вымолил —
Нам судьей не быть ему, —
Из лесов нас, темных, вызволил . . .
Слава чуду Твоему!

ИКОНА «ВОСПИТАНИЕ»

5 марта князя Феодора Смоленского и чад его Давида и Константина, — празднование иконы Божией Матери «Воспитание».

Церковь празднует икону «Воспитание»,
Князя Федора Смоленского со чадами . . .
За тернистый путь, за горькое страдание.
Дети, — спутники на небо: не награда ли?

Матерь Божия и Сыном прославляется,
И Его Крестом, великим, светлым подвигом,
Нам икона в назидание является:
Чтоб и мы детей своих на подвиг подняли.

И у княжеской души хватило доблести,
Пострадать за нас, как смерду, от гонителей,
И в смоленской дальней, древней нашей области
Жизнь случалася, порою, поучительной.

ТРОЕРУЧИЦА

28 июня, в день святого Иоанна Бессребренника, празднование иконы Божией Матери Хилендарской, именуемой «Троеручица».

Троеручица Владычица
Помогает в три руки.
Вот и серп на небе высится,
Глянул в зеркало реки.
Светел — месяц нивы радует,
Ясным вышел для жнивья,
А суслоны будет складывать
Сам пророк святой Илья.
Троеручица Владычица
Помогает в три руки —
Божьей ратью возвеличатся
Золотых снопов полки.
Церкви звонами победными
Озарят широкий дол
И молебнами хвалебными
Разольется радость сел.

УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ

25 января празднуется икона Божией Матери «Утоли моя печали».

— «Утоли болезни многовоздыхающие души моея, утолившая всяку слезу от лица земли».

(Тропарь Богородице).

День осенний переменчив
За кладбищенской стеной.
На иконе желтый венчик
Пахнет солнцем и весной.
Дарья плачет. Отпеванье
Точет ладоном — дымком.
Про надгробное рыданье
Веет ветер шопотком.
— «Утоли моя печали!» —
— «Слышу Дарья! Вижу скорбь!
Ты не плачь, что закопали,
Ты, вдова, спину не горбь!
Муж иной теперь работник,
Вам иной взыскует кров
С ним Иосиф, Божий плотник,
Строит град. Он вечно нов:
Ни болезни, ни печали —
Свет да радость, да покой.
Там поющие скрижали
Божьей писаны рукой,

Там ликуют херувимы,
Собеседники святых
И, Архангелом хранимый,
Храм из лилий полевых!..» —

Убаюкала в печали
Утешающая всех.
И яснее стали дали,
Виден отблеск новых вех.
Над парчевою тайгою
Осень ткет незримый путь...
По-над радугой—дугою
Есть где Дарье отдохнуть.

ДОСТОЙНО ЕСТЬ

11 июня, в день святых Апостол Варфоломея и Варнавы празднование иконы Божией Матери «Достойно есть», установленное древними свято-горцами афонскими, в царствовение сыновей византийского императора Романа: — Василие и Константине, именуемых Порфирородными, при патриархе Хрисовере.

Достойная хвалы и славы! . .
Боюсь не хватит светлых слов . . .
В сей день Апостола Варнавы,
И кремль высокий многоглавый,
И дымный чум среди снегов,
Взывают с радостью великой
Перед лампадой золотой
В сиянии несметных ликов
Твоей иконы пресвятой.
Ликуй и Ты! О, Пресвятая,
Твоею милостью живем,
И от Карпат и до Алтая
Тебе хваление поем!

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ФИЛЕРМСКАЯ»: — ГАТЧИНСКАЯ

12 октября, перенесение в Гатчину иконы Божией Матери «Филермской» — писанной, по преданию, евангелистом Лукой. Эта святыня хранилась у мальтийских рыцарей со времен крестовых походов и принесена ими в дар Императору Павлу Первому.

Матерь Божия «Филермская»,
А написана Лукой . . .
Ишь, страда-то деревенская
Не нарушила покой:
Тихо в избах.
Под лампадкою
Бабка шепчет с детворой
Перед сном молитву краткую:
— «Матерь Божия, укрой!» —

«ДОНСКАЯ» —

(Дмитриевская суббота)

В субботу перед 26 октября, днем памяти великомученика Димитрия Солунского, Святою Православною Русскою Церковью установлено поминовение всех на брани убиенных. Начало сему положено в 1380 году после битвы на Куликовом поле.

У Божьей Матери «Донской»
Я вспомнил поле Куликово
И над Непрядвою — рекой
Молитву инока святого.
Хоругвей плеск у берегов,
Дружины в пламенных шеломах,
Князей и воев, на врагов
Своей владычицей ведомых.
Преславен витязь Пересвет
И светел подвигом Ослабя . . .
Храни и нас от всяких бед,
Помилуй души наши рабьи.
Стою, как Дмитрий — «на костех»
И вопию, к Тебе взывая:
Прости унынья тяжкий грех,
Своей десницей покрывая.

И да сраститься с костью кость,
Пусть плоть живая их обымет,
И встанет муж, и взымет трость,
Он рать могучую подымет.
Икона гнева и чудес
Да будет нам щитом червленым,
Харлужских копий звонкий лес
Мы узрим вновь за тихим Доном.

МИЛОСТИВАЯ

12 ноября, в день святого Иоанна Милостивого — празднование иконы Божией Матери «Милостивой».

Образ Милостивой с нами —
Ныне, завтра и в веках.
Он хоругвь, святое знамя
На земле и в облаках.
Да исчернет в сердце страх!

Образ милостивой с нами —
Будь же милостив и сам,
Всех люби, живи трудами,
Шествуй с лаской и дарами
В тюрмы, к сирым, к беднякам:
С Ней в душе созиждешь храм.

ПРОЗРЕНИЕ ОЧЕС

24 апреля, в день мученика Саввы Стратилата и с ним 70 воинов празднование иконы Божией Матери «Прозрение Очес».

«Прозрение Очес» икона . . .
И нам, незрячим — тихий свет.
Мы прозреваем в зовах звона,
Где образ Твой, там мрака нет.

Года проходят безвозвратно
Но Ты веками светишь нам,
А свет даруешь благодатно
И нашим внутренним очам.

КОСТРОМСКАЯ ФЕОДОРОВСКАЯ

28 июля, в день святого Питирима, празднование иконы Божией Матери «Костромской».

Пред иконой «Костромскою»
Собирается народ
Не с корыстию мирскою
Он сегодня к ней идет.
Что и думать о наживе:
Уродились бы хлеба
На родной крестьянской ниве —
Покорится и судьба.
А нажива . . . Бог уж с нею,
Для наживы есть купцы
Да и те отбогатеют,
И богатству есть концы.
Есть предел и жизни нашей,
Будь ты грешник иль святой,
Не минуешь этой чаши,
Не поможет золотой.
И копеечною свечкой
Можно милости просить
Свечки нет, так и словечком
Матерь Божью упросить . . .
Собирается к иконе
Не одна лишь Кострома —
Всю-то Русь сзывает в звоне
Богородица Сама.

ЧТО ТЯ НАРЕЧЕМ

6 марта, в день 42-х мучеников амморейских, празднование иконы Божией Матери «Что Тя наречем».

Икона «Что Тя наречем»:
Как назовем Тебя, Благая?
В дыму кадильном, глух и нем,
Стою — Иудой изнывая.
Не осуди, что оскудел
Сосуд елея, как в пустыне,
И что в пути я поседел,
Живя в неверьи и поныне.
Но ты — «Взыскание погибших» . . .
И разве я не пред Тобой,
Не признававший целей высших.
Стою с поникшей головой?
Ведь сорок два из Амореи
В сей день так памятны Тебе.
Равняться с ними я не смею . . .
Но обернись к моей судьбе!

СЕМИГОРОДНАЯ

15 августа на Успенье — празднование иконы Божией Матери «Семигородной».

Семигородная икона —
Святыня древних городов,
Селом проходит год из года
Среди полей, среди садов,
И ризой нивы освящает,
Благословляя сельский труд,
И благодатно обещает
Хранить честной крестьянский люд.

БЛАГОУХАННЫЙ ЦВЕТ

15 ноября, в день святых мучеников Самона и Авива начало Рождественского поста; празднование иконы Божией Матери «Благоуханный Цвет».

Тайга в потьмах проснулась
И будит Дикий Плес
Над снегом колыхнулась —
Поземок звон донес.
Идущих торопливо
Хранит от всяких бед,
Самона и Авива
Кадит чуть зримый след.
В обители чудесно,
Как в яслях голубых
И кажется небесным
Сонм иноков святых.
Икона Приснодевы
«Благоуханный Цвет».
Старинные напевы,
Чуть брежжущий расвет.
В неутомимом бденьи
Хор ангельский поет
И в ноябре весенне
Березками несет.
И тянет свежей мяткой,
Июльским ветерком,
Младенец за лампадкой
Сияет васильком.

СВЯТОГОРСКАЯ

19 марта, в день преподобной Вассы Псково-Печерской, иконы Божией Матери «Святогорской».

Святогорская икона
Не явилася с Афона,
Не Лукою на Фаворе
И написана когда-то,
Нет, а древним живописцем
Но подобным Рафаэлю —
Славным мастером Рублевым.
Святогорская икона
Оживает в зовах звона:
Будто звезды в тихом взоре,
Будто зори в час заката,
К облакам взвивают птицы
И во горах поют свирели —
Сердце станет бирюзовым.
Есть у нас отрада взорам,
Есть свои святые горы
Для восшедших с жаркой верой.
А таких у нас немного:
Мы живем как изуверы,
Мы с душой холодной, черствой.
Есть у нас отрада взорам —
На святых горах просторы
Но просторы те в пещерах,
А в пещерах двери к Богу,
Путь — иной, не нашей меры,
Под иконой «Святогорской».

СПОРУЧНИЦА ГРЕШНЫХ

7 марта празднование иконы Божией Матери «Споручницы Грешных».

Над «Споручницею Грешных»
Старец махонький притих.
— «Упаси от тьмы кромешной!» —
Он ей шепчет кроткий стих.
В окна смотрит мир угрюмый.
Люд, как волны за волной.
В перекатном всплеске шумы
Жизни призрачной земной.
Думы старца об отчизне.
Вот умолк, кресты творя.
Вдруг опять: — «О, море жизни,
Воздвизаемое зря!
Божья Мати, якорь грешных,
Пристань тихая души,
Светлый парус неутешных —
От греха нас отреши!
Видишь, тонем: крови — реки
Слез-то целые моря . . .
Славься ныне, присно, веки,
Маяком во мгле горя!» —
Опустился на колени,
Под ногами тает лед.
Над лампадой веют тени —
Кораблей чуть зримый лет:
Это души отлетают,
Души тех, кто здесь страдал,
Божья Матерь их встречает . . .
Свой черед и старец ждал.

ПОХВАЛА БОГОРОДИЦЫ

Празднуется в субботу на 5-й неделе великого поста. Икона сия принадлежала византийскому императору Алексию Комнину. Это та самая икона, перед которой читали акафист после одержания победы над скифами.

В тебе веков преданья говорят
Как о небесной Взбранной Воеводе,
Ты дважды охраняла Цареград,
Была в заботах о другом народе.
Но вот преемственно и мы Твои,
И веруем, что Ты нас не оставишь,
Что благости незримые струи
Нас возродят, Ты вновь себя прославишь.
И пред иконою не нашей похвалы
И мы поем Всехвальнопресвятая,
И рвется мысль, подобная крылу,
Поет душа, как бы взлетая.

ЕГИПЕТСКАЯ

11 января, в день преподобных Феодосия Великого и Феодосия Антиохийского иконы Божией Матери «Египетской».

Не с Марией ли Египетской
Ты явилась в край родной
На канал забытый припятский,
На Кавказ, где горы высятся,
И в Сибирь, где шум лесной.
Нил, пустинники мемфийские
И малютка Моисей —
Все к Тебе, всему Ты близкая
Но страна моя российская
Скит Твой светлый в мире сем.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «МУРОМСКАЯ»

12 апреля, день Анфусы — девы, Афанасии — игумении, Исаака Сирина; иконы Божией Матери «Муромской».

Над святой иконой «Муромской»
Лес шумит, дремучий бор,
А из леса-то из хмурого
С Ней выходят на простор
Все затворники — печальники,
Златоусты, мудрецы,
Жития духоначальники
И простые чернецы,
И безмездные целители
Скорби, немощи телес,
Душ небесные водители . . .
Оживает хмурый лес!

ТОБОЛЬСКАЯ

8 июня в день блаженного Прокопия Устюжского чудотворца — празднование иконы Божией Матери «Тобольской».

Молитвы тихой радость
Мятежным не понять...
Весны полярной младость
Не ты ли, Божья Мать?
  Не Ты ль в Сладчайшем Сыне
  Нам источаешь мед?
  Оазисом в пустыне
  Твой вертоград цветет.
Мне лилий Ерихона
Отраден светлый вид
Долиною Сарона
Страна моя глядит.
  Обдорские откосы
  Как смирна и ливан,
  Возносят альбатросы
  Кадящийся туман.
Монахи — кипарисы
Поют полиелей...
Елей из синей выси
Пустынникам излей.
  Чтоб свет ночной лампады
  У них не угасал,
  Чтоб у ворот ограды
  И образ Твой сиял.

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ

3 апреля день преподобного Никиты Исповедника, празднование иконы Божией Матери «Неувядаемый Цвет».

«Неувядаемой» иконы
Так нежен вешний аромат:
Молитва в тихих зовах звона
И в зовах розовый закат —
Пригрел на пашнях яровое,
Растит на новый урожай.
Трудись народ! Господь с тобою,
Амбары к жатве снаряжай.
Их окропи святой водою,
Апрельским ветром обсуши —
Пойдут заботы чередою . . .
А нынче праздник для души.

В ДЕНЬ ИГНАТИЯ БОГОНОСЦА

20 декабря, в день Игнатия Богоносца, празднование иконы Божией Матери «Северской».

Под лаской зимнего морозца
К часовне древней проберусь —
Я в день Игнатья Богоносца
Иконе Северской молюсь.
Не князь ли Игорь брал с собою
Тебя в степной далекий путь,
Чтоб мы, влекомые судьбою,
Могли на образ твой взглянуть?
В Сибири вольной на просторе
Рубить подворья и скиты
Чтоб с тихой нежностью во взоре
Родной тайге сияла Ты?

АРАВИЙСКАЯ

6 сентября, празднование иконы Божией Матери «Аравийской» — престольный праздник в Карийском монастыре (возле татарской деревни Кара-Булан, в Минусийской степи). Кара, значит: черный.

Со иконой «Аравийской»
В Туркестане на песках
И на севере российском
В тундре, в селах, городах
Мать, — незримо — Пресвятая
Совершает свой обход:
Дорог Ей и скит Алтая,
Потемневший древний свод,
Крым и степи на Кубани,
И уральские леса,
Храмы близкой Ей Казани,
Лавры киевской краса . . .
Со иконой «Аравийской»
Ждем Ее и к нам на Плес:
Из обители Карийской
Южный ветер звон донес.

МУРОМСКАЯ

12 апреля празднование иконы Божией Матери «Муромской».

25 июня, благоверных князя Петра и княгини Февронии, муромских чудотворцев.

И в лесах дремучих Муромских
Ты затеплила свечу.
С берегов пустынных мурманских
Я душой туда лечу.
Не с княгиней ли Февронией
Совершаешь свой обход,
И не князь ли Петр омоленный
Замыкает крестный ход?
Время вспомнилось далекое . . .
И теперь жива орда —
Огради же, Звездоокая,
Сирых нас, как и тогда!

СЕМИОЗЕРНАЯ

26 июня, в день святителя Дионисия, архиепископа Суздальского, празднование иконы Божией Матери «Семиозерной». — «Семь озер сотворил Господь в земле сей. Шесть отдал народу своему, а седьмое, Галилейское, взял себе».
(Апокриф).

«Семиозерная» икона,
Хранительница наших вод,
И не долиной Ерихона —
Полями русскими идет.
И будто море Галилеи
Колышатся кругом хлеба,
Покосы зорями алеют —
Пора горячая, косьба.
А косы, молнией пылая,
Склоняются пред Нею в ряд,
Зеленый путь Ей устилая,
Туда, где верою горят.

УТЕШЕНИЕ В СКОРБЕХ

19 ноября в день Иосафа, царевича Индийского и отца его царя Аяенара — празднование иконы Божией Матери «Утешение в скорбех».

На Тебя я уповаю
«Утешение в скорбех».
Знаю, сердцем понимаю,
Что скорбеть — не малый грех.
Изгони и дух унынья . . .
Не за ним ли ходит скорбь?
Слышу я из дали синей:
— «Под крестом спины не горбь!»
Ты сказала это в Сыне,
Сын в смирении простом . . .
Слався веки, присно, ныне
Вместе с Сыном и Крестом!

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

4 сентября, в день памяти пророка Моисея — празднование иконы Божией Матери «Неопалимая Купина».

— «...И увидел он (Моисей), что вот, терновый куст горит, но куст не сгорает»...

(Библия, книга «Исход», гл. 3). В этом терновом кусте (купине) Святая Церковь видит прообраз Божией Матери.

Неопалимой Купиною
В веках сияет образ Твой
И ограждает мир земной.
Как благодатною волной,
Как нерушимою стеною —
Нас во грехах своих погрязших,
Вотще взыскующих огня,
Душою хладных и угасших.
Не чаявших такого дня.
А день настанет — праздник света.
Неопалимой Купины...
Да будут все Тобой согреты,
В одежды пламени одеты —
Да будут Божии сыны!

ИКОНА НОВГОРОД-СЕВЕРСКАЯ

(«Спасительница утопающих»)

20 декабря. — Предпразднество Рождества Христова, священномученика Игнатия Богоносца. Иконы Божией Матери Новгород-Северской, «Спасительницы Утопающих».

Не Ты ль Спасенье утопающих, —
Икона Северских дружин,
И стягов в небе колыхающих,
И воев смелых, побеждающих . . .

В степную даль с тобой бежим.
Не вихри мечутся самумные,
Не глумный нам камлает кам.
И в беге нашем мы не шумные —
Господний свет несем векам.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ВЗЫГРАНИЕ»

7 ноября. Мученика Иерона и дружины его, иконы Божией Матери «Взыграние».

О, Ты! Взыграние младенцев!
Их первый лепет слышал я:
Еще ребенок только в сердце,
Но, в гимнах Господа хваля —
Он ищет крестик материнский,
И в нем — Христа облобызать,
Найти, как мать, такую смерть вот:
И всех простить, и всех обнять,
И взять с собою в Дивный Город,
Где сад Христа, Младенца Сад,
Где Ангелов святые хоры,
Где люди любят, а не мстят.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «БЛАГОДАТНОЕ НЕБО»

— «Светоносное облако, в котором Господь всех, нисшел...» — (2-й канон на «Введение Пресвятой Богородицы», песнь 9).

Радуйся, облако светлое:
Свет воссиял от Тебя!
Радуйся, Матерь Всесветная,
Мир и в грехах возлюбя!
Радуйся, Неба Владычица!
В сонме великих святых
Образ Твой знаменем высится
В звездных огнях золотых!

МАТЕРЬ БОЖИЯ «ИВЕРСКАЯ»

31 марта, День памяти Иосифа Прекрасного, Ипатия-Целителя, Иконы Божией Матери «Иверской».

Ты в часовне той омоленной
Обнимала всю-то Русь!..
Здесь чужбиной изневоленный
Я пойду и помолюсь!
Ничего, что камни рушены:
Ты не сделалась иной —
Мы стоим, Тебе послушные,
Нерушимою стеной.
Мы Твое святое воинство,
Мы с Тобою и в Тебе —
Не лишившая достоинства,
Ты поможешь и в борьбе!..

«АКАФИСТНАЯ»

12 января, мученицы Татианы и иже с нею; празднование иконы Божией Матери «Акафистной».

Пред иконою «Акафистной»
Клир акафисты поет.
Пол еловый вымыт начисто
Весь как радуга киот.
Нет торжественной «Акафистной»,
Нет в году светлее дня...
Но слеза на Сына скатится
И сегодня у Нее!..

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ ИРКУТСКАЯ

8 июля, день Казанской Божией Матери, празднование иконы Божией Матери «Иркутской».

Матерь Божия Иркутская,
С Иннокентием святым,
Утешая и напутствуя,
За окладом золотым —
Просияла мне улыбкою
В тихом зареве свечи.
Я храню дорогой зыбкою
Эти теплые лучи.

«ЧЕНСТОХОВСКАЯ»

6 марта, в день 42-х мучеников, иже в Амморее — празднование иконы Божией Матери «Ченстоховской».

— «Матка Боска, Ченстоховска! —»
Так Поляки к Ней взывают.
Дым кадильный, запах воска . . .
И у нас ведь так бывает:
Ведь и мы к Ней устремляем
Наши взоры, наше сердце —
Ей молясь? . .
И понимаем и поляка — иноверца! . .

СЛОВО ПЛОТЬ БЫСТЬ

(Албазинская Икона)

9 марта — празднование иконы Божией Матери «Слово плоть бысть» — «Албазинской» — принесенной в Пекин после сдачи русской крепости «Албазин».

— «Слово плоть бысть . . . —» Албазинцы
Доказали это в деле:
Воевали,
Стрелы пели,
И язвили — поражали.
Албазинцы же сражались . . .
Их не тронули китайцы,
Победив не одолели.
Под покровом Мати-Девы
В полону они молились
Пред иконой Албазинской
и шептали:
— «Слово плоть бысть» . . .
Ты была у нас оплотом,
Нерушимою Стеною.
Мы и здесь, как за стеной:
Не темница здесь —
— Обитель.

Рассказал толмач в столицах
О великом русском чуде;
Услыхали мандарины,
Все узнал и Император,
— А солдаты раньше знали, —
Произнес:
— «Не троньте храбрых,
Это чудо — Божье чудо,
Это чудо — человекам». —
Богдыхан был не Иуда,
Пойте, люди, век за веком!..

КАЗАНСКАЯ—ТОБОЛЬСКАЯ

Видение дьяка Иооникия, церковного дьяка Знаменского Тобольского монастыря.

8 июля. Празднование Казанской иконы Божией Матери и других казанских икон: Ярославской, Тобольской, Вознесенской, Каргопольской, Иркутской и прочих.

Она стояла
На паперти Трех Святителей,
В чулане, лицом к стене,
Позабытая даже обителью.
Но один из Ее небожителей
Постучался ко мне:
—«Что стоишь, что глядишь,
Что читаешь?
Как в темнице
Твоя Пресвятая!» —
Мы построили храм Ей победный
И пошла Она в села с молебном!..
Так веками идёт Пресвятая
Купинóю святою сияя...

ИКОНА ЗНАМЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «КУРСКАЯ—КОРЕННАЯ»

8 сентября.

Кто нас не мыкал безликих,
Чья не пинала нога?
Все же, в усильях великих,
Мы побеждали врага.
Шайки татар и Шемя́ка,
Польская голь и паны.
Колокол жалобно вя́кал
В пламя и смут и войны.
Ты нас спасала над бездной
Наших же дел и грехов.
Верим, что полог Твой звездный
Будет нам скит и покров.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «КАЗАНСКАЯ»

8 июля. Казанской иконы Божией Матери, Великомученика Прокопия, блаженного Прокопия Устюжского, Праведного Прокопия Устьянского.

— «Радуйся, Заступница Усердная рода христианского!».

(Из Акафиста Пресвятой Богородице Казанской).

Богоданной звездой
Ты явилась на Русь,
Пред иконой Твоей
Неустанно молюсь.
Огради, сохрани
В эти скорбные дни!
И молитвам нашим
Радуйся!
Радуйся, Заступница усердная
Рода христианского!..

БЛАГОДАТНОЕ НЕБО

— «Земное небо вселяется на земле небесной и нетленной». (Канон Успения Богородицы, песнь 4 — тропарь).

Земное Небо!
Ты в земле небесной,
Над звездами,
Вне звезд,
И в них!
Как беден этот стих,
Как трудно высказать
Владычице Небесной
В словах земных!..

НЕБЕСНЫЕ ДВЕРИ

— «Небесные двери возвысились и ангелы воспели . . . —»
(Канон Успения Богородицы», песнь 4-я, тропарь).

— «Небесные двери возвеселись —
В них Девы воспетой восход . . . —»
Кому эти думы помыслились
Тот выше чем звезды взойдет.
— Небесные двери возвысились . . . — »
Хор ангелов в небе поет
Но Дева Воспетая мыслию,
Делами . . . Не с нами ль живет?

ИКОНА БЛАГОВЕЩЕНИЯ

Во град Устюг 8 июля.
Ангел предстатель с небес послан бысть . . . (Икос 1-й).

Ангел предстатель
Сказал не устами:
— Радуйся Чистая! —

Плотских речей
Много мы слышали . . .
Знаем и сами:
Зрения нет и
У плотских очей.

ПРИСНОДЕВА МАРИЯ

— «Радуйся древо светлоплодовитое от него же питаются верние; радуйся древо благосенолиственное, им же покрываются мнози» . . .

(Икос 7-й, из «Акафиста Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии»).

Приснодеве Марии
снились сны золотые:
золотистых колосьев
степные поля
и кругом тополя
и откосы крутые.

Край родной!
Ленты кос золотые,
Лен волос . . .
Кто дерзнет
Посягнуть на тебя?!

ВОЗНЕСЯ НОСЯЩЕГО ВСЯ

— «Радуйся яко носиши Носящего вся» . . . (Икос 1-й).

Вознеся Носящего вся
Мать Божья идет над полями,
букетик фиалок неся
и эти цветочки — мы сами.

А дети у нас — лепестки,
Она их целует, милует . . .

И этой весенней строки,
быть может,
дымок поцелует.

ПРЕСВЯТАЯ МАРИЯ

Пресвятая Мария
темной ночью, до света,
над землею, над морем
проходила к Востоку —
чтобы встретиться с Сыном
Солнцем нашим пресветлым.

Плещут волны седые
тихо время колышат —
как дитя в колыбели.

БЛАГОДАТЬ ЛИКОВАНИЯ

(Гимн сестры Христины, монахини).

Не могу я
О ней умолчать
Не могу я ее
Передать,
И могу
Лишь одно прошептать:
Ликованья
Во мне благодать —

Я ликую с Христом,
Во Христе . . .
Дивный свет
Я узрела в Кресте.

ЛЕГЕНДЫ

О БОЖИЕЙ МАТЕРИ

ЧУДЕСНАЯ ЖНЕЯ

На Алтае, в одном старообрядческом скиту есть древняя икона Божьей Матери, потемневшая от времени, окруженная венком из колосьев. Венок ее называется «Богородицины колосики». Эти колосики, по преданию, были сжаты самой Божьей Матерью. Зерна их имеют целебную силу. Крестьяне, от болезней, вкушают их натощак, как просвирку.

Летом мне довелось быть в этом скиту. Когда я стал расспрашивать про венок, мне рассказали легенду о Богородице, — вот она:

Жала тетка Матрена в Медвежей Ляге полоску в канун большого праздника. Время было уже не раннее: — к вечеру. А работы, почитай на целый день будет. — Ох! — думает она: — не поспеет дожать! А хлеб на поле оставить . . . Как оставить? Время знойное: упустишь день, все зерно вытечет. Да вот завтра еще праздник Христов. Но, не беда, поработаю и в праздник. Простит меня Христос — Пресвятая Богородица. Принялась баба снова за работу. Слышит, а сзади будто кто подошел к ней и тоже стал жать. Только колос шуршит. Хочет Матрена посмотреть, да никак что-то не может глаз от серпа отвести. Вот только раз, другой, серпом взмахнула, глянула: вся полоса уж и дожата. Удивилась баба:

— кругом копны стоят, каждый сноп — мужику в пору. А рядом с ней стоит сама Царица Небесная, с серпом в руках:

— Помогай тебе Христос! — сказывает Богородица: — Вот мы с тобой, Матрена, всю работу сёднушну для Христова дня и справили. А завтра-то уж не трудись. Отдай этот денёк Христу-Сыну моему, восхвали его как можешь: сердцем ли, разумом ли!

Сказала Богородица эти слова и пошла над полями.

Матрена хотела было остановить Ее да не может: — будто во сне с ней. А Жнея Чудесная подняла руку с серпом к небу и положила серп на облачко. Вон туда над рекой Белухой. И засверкал Ее серп ясным месяцем.

Тут стала она отделяться от жнивья. Уплывать выше-дале, покуда не скрылась из глаз.

И долго в глубоких голубых сумерках будто сияло что. В той стороне, по-над Алтаем, куда ушла Чудесная Жнея. И стал над горой Белухой месяц — золотой серп!

ГРЕЧЕНЮШКА

«Гречневая каша — мать наша».

«Черна, мала крошка, а угодья много в ней». —Русская пословица).

«Как скворцы из гнезда, так пора гречу сеять». (Сибирская примета).

Солнце только што подымалось большим ленивым комом из-за дальних муругих сосен, словно медведь встревоженный не в пору, когда мы с Митрием уже тряслись в тарантасе в ёмких ухабах, што в море.

По ржаному полю тихий утренник скользнул, точно пропал, будто ни откудова и взялся, а так только. А там, глядь, подале — сплеснул опять серебристой плотичкой. Или камушком-плюшкой, пущенным по-над водой озорным, чудесным, неведомым парнишкой. По овсам, во ржах, розовым месивом медвяной гречихи. В пять-шесть кружков перемахнул полоску легким перышком, нежданно канул у другого бережка, словно его и не было.

— Быть дождю, аль ветру! — заёрзал Митрий на козлах. Зашуршал соломой, словно блох ворошит. Знаю: в соломе блох не водится. Это от мыслей досадных в голове. Всегда от них у Митрия зуд блошиный.

А то сердце зачнёт саднить, ныть. А уж от него-то по всему телу вроде, как чесотка.

— Дождик пойдёт, да перестанет! — думаю я. Хочу сказать, начинаю, да не договариваю. Гляжу: по гречихе два пятна красных, больших — сходятся, расходятся. То пропадут, то снова вспыхнут алыми маками. А то вот цветы у нас есть, огоньки. Ток вот: — огоньками.

И не огоньки — солнышко пало на землю. Раскололось на две половинки, большой зрелой ягодкой и играет, как в пасхальное утро. Кувыркается красным зайкой в гречихе — марает гречиху. Оттого и цвет гречишный — розовый.

— Што это, Митрий?

— Иде?

— Вон, ровно два солнышка — в гречке!

— Скажут тоже: — солнышко. Телушка это, да хвост телячий — баушка Асеиха. Завсегда она с имя воюет. Телята народ зазорный, а бабка стара — вишь не угонится.

И верно. Слыхать голос из гречи. По голосу слышу — Асеиха.

— Вот я тебя, Ирода! Вот я тебя, окаянного! Пропаду на вас нет, распроязви вас!

Давно я знаю баушку Асеиху. Насчет пропаду это она так, зря. А уж «распроязви» и вовсе для слова. В Сибири так и любя сказывают. Про́пади баушка боится — как же пропасть теляткам? Баушка добрая, худа никому не мыслит, даже мурашу. По баушкиному — всякому жить, всякой твари Бога славить. Жить и теляткам, коровами быть, телять телить. Теляткам пропасть никак нельзя. Чем же ей жить тогда, как не телятками, живностью христьянской, от Бога положенной?

Но, вот, поравнялись.

— Здравствуй баушка! Спымать тебе што ли телушку? — вдруг оживился Митрий. И на ходу, словно его слизнуло, смахнулся с козел. Коренной скосил глазами с полуоборота. И стал, упёрся, осадил пристяжку.

— Что имать-от, сама спымается! — а сама села на пень придорожный, умаялась вовсе.

Пока Митрий имал телушку, разговорились с баушкой.

— Ты, баушка, не огорчайся! — говорю. — Телушка жизни радуется, телячей своей радостью. Гречка-то манит медвяная. Это не то что наше дело стариковское!

— Гречка? А ты человека с тварью не ровняй. Не положено твари хлеба́ Божьи тревожить, грех. Греча-от Богородицыны крупенюшка, Ею даденная. И не манной небесной пала, а на грешной земле нашей сродилась, царской дочерью прекрасной!

— Как так баушка? Ты бы рассказала!

— Что сказывать-то: учить вас ученых. У вас поди по книгам все это глаже сказано.

— Да нету этого, бабка, ни в каких книгах!

— Не читывал?

— Нет!

— Быдто?

— Правду говорю!

— Сказывай! Все равно не поверю. А рассказать расскажу:

Жили-были, на бел на Божьем свете, не в наше время, не в показанное, царь с царицею, бездетные. Долго молили они Бога, чтобы дал Он им дитятко в утешение. И вот, об одну пору, на старости лет ихной, сродилось у них детище — дочка красоты несказанной.

Долго думали они думушку, како бы имячко дать своей красавице, но никак не могли придумать. Позва-

ли попа-батюшку. Пришёл поп-батюшка. Стал читать по святцам, как покойников поминать.

— Дарья, Марья, Полинарья! Все имена хрисьянские, ни одного царского.

Тошно стало царю с царицею от попова причитанья. Послали они его на перекрёсток, спросить у первой встречной имя, и дать его царевне.

Пошёл поп-батюшка на перекрёсток. Как девки под Крещенье гадать о своем суженом. Сидит-ждёт. Сидит день, сидит два. Сидеть бы и неделю, да день-то уж субботний. К вечерням звонить пора бы. Вдруг, о ту пору, когда в колокол ударить, видит поп-батюшка идёт по дороге бродяжка — не бродяжка, странница — не странница, старушка кака-то, будто на богомолье пробирается. Путь, видать, дальний держит.

Спросил батюшка:

— Баушка, а баушка? Звать-то тебя как? Как звать-то, говори!

— Зовут меня зовуткой, — отвечает странница, — а величают уткой. Греченюшка я. Тако имя мне от Господа дадено!

Подивился поп-батюшка такому имени: — Что за имячко? — думает. — Имя, видно, яса́шное, языческое. Однако, обрадовался, что хоть какую ни на есть живую душу стретил. Поблагодарил странницу, воротился к царю с царицею, рассказал, как это вышло.

Подивились и царь с царицею имени странницы. Но царско слово твердо — царскому слову не изменили. Порешили так, как ране сказывали. Прозвали дочку Греченюшкой. Растёт Греченюшка, дочка царская, тёзка побродяжки. Растёт как в сказке сказывают: — не по дням, по часам. Царь с царицею уже и о женихах зачали подумывать. А женихи: — их не сеять! Они как мухи на мед, где прослышут. Их не звать, сами стали

наведываться. Всё цари-царевичи, короли, королевичи. Один другого краше и знатнее. Быть бы счастью. Да вдруг поднялись на царя, на царство-то православное, Золота Орда буцурма́нская, злой Туга́рин-хан. Царь созвал кнзьёв, графьёв, бояр именитых, купцов честных, собрал все воинство. Поднял в сполох весь мир хрисьянский. Пошел на поход — орду стречать, орду не пущать. Да не посчастливилось ему, одолела его Золотая Орда несметная. Полегла его рать во степях неоглядных, как песчинка в море канула. Изничтожилось все царство православное. Лютым зверьём зарыскали бусурмане по пустому месту, по пепелищам, где ране красовалось царёво царство. Досталась царска дочь Грече́нюшка злому Туга́рину. А царя и в живых нет. Полёг за одно с дружиной, срамоты не выдержал.

Привёз Туга́рин царевну в Золоту Орду, в золотой шатёр. Принуждал злой Туга́рин Грече́нюшку перейти в свою веру. Обещал ей, змий, наряд аксали́тновый. Обещал водит ее в светле серебре, во чисте золоте, в золотой парче. Обещал ей хрустальну кроватушку.

Но царевна не польстилась на речи его сладкие. Даже и словечко не замолвила. Осерчал злой Туга́рин-змий. И стал он мучить Грече́нюшку неволей тяжкой, заботой великой, тягостной.

Так прошло три года. А может и тридцать три, и боле. Кто знает? Может и три века людских человеческих. Грече́нюшка всё терпела.

Об одну пору, проходит через Золоту Орду баушка-странница. Та самая, что попу-батюшке на перекрёстке стретилась. Увидала она горе и муки царевнины. Пожалела свою тёзку — Грече́нюшку. Обернула она ее в гречневое зернышко. Положила в котомку и пошла с нею на святу Русь.

— Сослужи мне еще одну службицу! — попросила

Гречéнюшка баушку. — Как придешь ты на святу Русь, схорони ты меня, матушка, во родну, сыру землю. Во широком-чистом поле, на приволье!

Исполнила старушка просьбу Гречéнюшкину. Схоронила грешневое зернышко посередь широкого поля, чистого приволья. А зернышко-то и пошло в рост. И выросла из него гречá о семидесяти семи зёрнах. Налетели буйны ветры с трех сторон свету Божьего. С тридцать три царства, на триста тридцать три племени. И расплодилась, с той поры, гречá по всёй земле русской православной. Видно одно зёрнышко и к нам закатилось в Сибирь. Глянь, благодать-то какая. Дух-от какой медвяной!

Помолчала баушка Асеиха и добавила:

— Старушка-то была не простая, сама Богородица, странница вечная, заботушка всесветная.

Далёко-далёко осталась теперь баушка Асеиха. Не за поворотом глухого таёжного просёлка, не в гречке цветущей. И вспомнилось мне Пятикнижье Моисеево. То место, где сказано, как древний Бог Израильский, манной небесной, сорок лет, в бесплодной пустыне, кормил народ свой избранный.

И я благословляю издалека лазоревый простор родных лесов, степей и гор. И радуюсь гречишному чуду, баушкину чуду, Асеихиному!

РАДОСТЬ

ВСЕХ СКОРБЯЩИХ

Начала бабка: — Ох, ох, ох! Хоть и не сказывать. Не в чужом царстве, а в нашем государстве, было, родимый времячко. О ту пору было у нас много царей, много князей, а Бог-весть кого слушаться.

Спорились они промеж себя, дрались. И кровь християнскую понапрасно проливали. А тут набежал злой Тугарин-змий, заполонил всю землю русскую, выстроил себе город Касимов и начал брать он красных девиц себе в услугу, обращать их в свою веру поганую и заставлять их есть пищу нечистую-маханину.

Слёз-то, слёз-то, родимый, сколь было пролито. Все православные, — а веры тогда все одной были, старой — по лесам на мещерску сторону по Сибири разбежались. Поделали там каки ни есть избёнки и жили с волками, да с медведями. Храмы-то Божьи все были разорёны. Негде было и Богу молиться.

И вот, жил, да был, о ту пору неслыхану, на мещерской стороне, мужичёк добрый Антип. Жена его Марья была така красавица, что ни пером тебе писать, только в сказке сказать — Елена Прекрасная. Были Антип-от

с Марьей люди набожные. Часто моливались и дал им Господь сына красоты невиданной.

Назвали они сыночка Егорьем. Рос-от Егорий не по дням а по часам. Разум-от у Егорья был не младенческий. Бывало только подойдут под окошко калики-перехожие, только зачнут:

— Как вознёсся Христос на небеси,
Расплакалась нища братия,
Расплакалися, бедные, убогие: —
Уж Ты истинный Христос, Царь Небесный!
Чем мы бедные будем питаться,
Чем одеваться, обуваться?

А уж Егорий-млад подпевал-от:

— А и возговорил Христос, да Сын Божий:
Не плачьте вы, бедные убогие!
Я дам вам гору золотую.
Я дам вам реку да медвяную!

Услышат его старцы и отвечают:

Тут возговорила ему Матерь Божия:
— Ведь Ты истинный Христос, да Царь Небесный!
Не давай Ты им горы золотые,
Не давай Ты им реки медвяные:

Сильны-богаты отнимут!
Ты дай им Свое Святое Имя:
Тебя будут поминати,
Тебя Сына величати
А и будут обуты и будут одеты!

Старцы еще не кончили, а Егорий им детским голоском подпеват:

— Тут возговорил Христос, да Царь Небесный:
Ты всех Скорбящих Радость,
Ты Матерь Моя Пречистая,
Ты умела слово сказати,
Умела слово рассудити!

Оборотится Егор к отцу, к матери. Те уж знают его: подают в окошко Христову милостыньку, старцами да младенцем вымоленую. А и пел же Егорий. Да таким голоском, что ангели на небеси радовалися.

Вот услыхал благочестивый старец Стефан Пермский об уме-разуме младенца Егорья. Выпросил его у родителей учить слову Божьему, порешил старец поставить Егория себе на смену. Поплакали, погоревали отец с матерью, помолились. Да, что делать: — отпустили Егорья в науку к апостолу-от Пермскому. Видят стар стал владыка, пожалели Пермску землю. Да и свою Мещерскую сторону. Был о ту пору во граде Касимове хан-от, какой-то Брагим. Прозвал его народ — Змием. В отца сказывали, в Змея-Тугарина пошел, так он был зол и хитёр.

Житья православным от него не было. Бывало поедет на охоту дикого зверя травить. Либо на побор за данью, либо так на потеху какую, никто не попадайся: затравит, запорит, а молодиц, да девок тащит в свой город Касимов.

Встретил-от раз он Антипа да Марью. Больно полюбилась она ему. Велел ее схватит, к себе тащить. А Антипа тут же предал смерти лютой.

Как узнал Егорий о злосчастной доле родителей, горько заплакал. Да што: горю слезами не поможешь.

Стал молиться Богородице за мать за свою родную. Божья Мать услышала его молитву. Вот как подрос Егорий, надумал он пойти в Касимов-град чтобы избавить мать от злой неволи. Взял благословенье от Стефана-владыки благочестивого, пустился в путь-дороженьку, каликою.

Долго ли, коротко ли шел он, только приходит в палаты Брагимовы. Видит: стоят злые нехристи и нещадно бьют мать его бедную. Повалился Егорий самому хану в ноги его поганые, за мать просит.

Брагим, грозный хан, закипел гневом. Велел схватить его и мученьям предать. Не устрашился Егорий, воссылает мольбы свои Матери Божьей. Вот повелел Брагим-хан пилить пилой его, рубить топором. У пилы зубья посшибалися, у топоров лезвия выбивалися.

Повелел хан варить его в смоле кипучей. Святой Егорий поверх смолы стоит. Повелел тогда хан в глубокий погреб его посадить. Тридцать лет сидел там Егорий молился Богородице. Вот об одну пору, о Покров, махнула Матерь Божия ризою своей святою. Поднялась буря страшенная, разнесла все доски кедровые, все пески зыбучие. Вышел Егорий на вольный свет. Увидел в поле — стоит оседланный конь. Возле лежит меч-кладенец, стрелы калёные, копье вострое. Скочил Егорий на коня, приуправился и поехал в леса мещерские. Встретил Егорий в лесах волков множество. Напустил их на Брагима, хана грозного. Волки те с ним не сладили и налетел, на него на Брагима, сам Егорий храбрый, сшиб с ног и заколол вострым копьем. Мать свою от злой неволи свободил.

А после того выстроил Егорий соборну церковь. Завел монастырь, захотел сам потрудиться Богу — посхимился.

Много пошло в тот монастырь православных меще-

ряков, пермяков, чувашей и мордвы. Повыстроились округ его келии, больницы, да богодельни для странного люда. Да посад, который и поныне прозывается Свят-Егорьевским.

Монастырь опосля забрали никониане, пошло гонение на веру, лишей татарского. Пожгли Аввакума, протопопа нашего, а с ним и других, хрисьян простых. И подались наши суды, за Урал-Камень, в тайгу. Колокола монастырские, да икону Свят-Егория храброго, увезли с собой. Ух как маялись с колоколами-то. Зима о ту пору была лютая, бездорожица. Подали кони, так люди сами запрягалися. Довезли до этих мест, да скит поставили — Ново-Егероьевск, — за Медвежьей Лягой.

— А свят Егорья у нас почитают, как ране почитали!

Бабка замолчала. Кто-то постучал в заиндевевшее окошко. И старческий голос запел:

— Как во граде во Касимове,
При хане было при грозном.
Породила баба три дочери,
А еще четвертого Егория храброго.
Выходил из той земли Мещерской,
Мещерской бусурманской! . .

Потянулась с краюшкой жилистая бабкина рука. Стукнуло окошко, оборвался голос. Повеяло снежком, будто пригоршню жемчуга в окошко кинули. — Спаси вас Христос, Пресвятая Богородица! — раздался голос. Снежок пал на лавку и растаял, паром изошёл. Робко стелется в переднем углу, над лампадкой зелененькой, перед Матерью Божией, Радость всех скорбящих называемую.

ШАНЬГА СИБИРСКАЯ

«Ай, во тайге олень — золоты рога»

Было это за тридевять земель. За тридевять барабинскими степями. За тридевять нарымскими тайгами, за тридевять алтайскими горами, за тридевять незнамыми пустынями. Здеся-ка, в Сибири нашей матушке.

Заблудились под Пасху, заплута́лись тридевять охотников. Были из них и новички, а были и умелые. Ходили, ходили, путь не нашли. И попали в такое место: ни дичи, ни другой какой добычи. На полянку вышли отдохнуть, обдумать. Еду, какая была, выходя из дому, исхарчили. Всего и припасу осталось: — одна ша́ньга . . .

Вот они развели костер, чтоб обогреться, обсушиться. Эту ша́ньгу едят с молитовкой, по напёрсточку, как просвирку — крестятся. Надо, говорят, теперь к смерти готовиться.

Едят ша́ньгу, вдруг слышат — поёт кто-то:

— Ай, во тайге
олень — золоты рога.
Охотнички говорили,
поговаривали:

— Мы тебя, олень, убьём,
убьём, подстрелим.

— Ах, вы меня
не убейте, не стреляйте!
Я вам
золотыми рогами
беду разбоду.
Я к вам
на свадьбу приду,
всех гостей
развеселю.
А невест
в особину,
чтоб оне
да не плакали,
чтобы слёз своих
не ронили!

Пошёл треск по тайге, гром и молния. Глядь, а это святой Егорий едет. Сам бел, одёжа у него белая. Рукавицы белые и конь под ним бел. Бичём белым пощёлкивает. копьём белым поблёскивает. А перед ним, перед Егорием, как стадо: горностали кривоноги, чернохвосты. Косы зайцы, чёрны лисички да их сестрички, лисовки красные. Бурнастые рыси и росомахи. Волки и медведи, лоси и бурундуки. Всего и не счесть!

Испугались охотники — и, и, Боже мой! — а Егорий к ним подъезжает:

— Что, грит, заблудились? Дайте-ка мне ша́ньги отведать. Большие мастерицы сибирячки. Люблю их стряпню!

Дали-эта охотники Егорю ша́ньги, оставшуюся половинку. Он, помолившись, и стал от её между зверь-

ми делить. Зайцы сыты, и волки сыты, и медведи сыты. А половинка ша́ньги не уменьшается. Он и отдал ее охотникам. Крошки собрал-от в ладошку. Перекрестясь, сам съел, говорит:

— Ну теперь домой айда́йте! Ша́ньга ещё вам пригодится. Да не бойтеся, хранит вас Пресвятая Богородица!

Лишь сказал-от Егорий слова эти, выходит сама Пресвятая Богородица, Скорая Помощница и Молитвенница наша, ходящая по мукам человеческим. С Ней олень — золоты рога. Над оленем крест сияет, а в кресте Иисус Христос.

Тут Егорий, со стадами, как бел-снег стаял.

Охотники на крест перекрестились, Христа облобызали, оленю — золоты-рога кланялись. Дали ему половину ша́ньги и сразу дома оказались, к самой Заутрене Святой.

В скорости же охотнички переженились, песню запели:

— Ай, во тайге олень — золоты рога!

КРОВЬ ХРИСТОВА

Когда сняли со святого Креста Господа нашего Иисуса Христа, Царя Небесного, рученьки Его пригвожденные от вколотых гвоздей слободили. Нози Его, гвоздием пробитые, отторгли от святого древа кипарисного. Главу Его тростию биенную, поднимали. Ребро, копием прободенное, кровь святую платом белым укрывали. Матерь Божия, Пресвятая Мария, вздымала руки своя над телом Сына своего Предвечного, единого, сердечного. Молила Милосердца, Отца нашего Всевышнего.

В пелены пеленала Сына, пелены камчатные. Слезами горючиеми плакала, убивалася. С небом, со землею плакала, с солнцем, со луною. Со светлым месяцем, со звездами ясными. Со реками всея Руси великой, со всеми её протоками. Со морями мати-земли рускоей, сибирскоей, со святыми её озёрами. Со тундрами снежными, завьюженными, со степями ковыльными, с полями полынными. Со пустынями, песками сыпучими, сожженными. Со лесами тёмными дремучими. Со тайгами, со зелёными дубравами. Со горами могучими, камением горючим.

Пресвятая Богородица, в скорби своей, к земле припала. Мати-Земля сотрясалась. Красно солнышко по-

темнело. Померк ясный месяц, угасли звёзды ясные. От края до края облегли землю тучи тёмные, тучи грозные. Звери полевые и чащебные, и трущобные в норах, в логовах завыли. Позабились, куда ни есть, птицы небесные. Молнии засверкали, гром возгремел. И разодралась завеса церковная.

Воспылал бел горюч Латырь камень. И текла сквозь пелены кровь Христова. И пала та кровь — руда на камень. И прожгла та кровь Латырь камень на тыщу верст и сто саженей. И, чай, ту кровь на земле видать. Разлилась та кровь по святым церквам Телом и Кровью Христовой неупиваемой, неистощимой. Текла та кровь с Ерусалима-града, что земли середина на Ердань-реку. С Ердани-реки на Царь-град. С Царя-града на Москву-матушку, к чудотворцам Сергию-Троице. С каменной Москвы пошла та кровь в Соловки. К святым пчельим Зоси́ме, Сава́тию и Ге́рману. Да на Печеры великие, да на большо́й Урал камень. Да на Бараби́нскую степь, а оттуль на Алтай-батюшку.

Течет та кровь-руда Христова рекой неиссякаемой. А по ней, по крови той, Сыновьей, Христовой, как плот, либо ладья, либо корабль дивный, пошла святая икона Богородицы. И куда не придёт, светом светит необычайным. И великие чудеса совершает. А где крови Христовой конец, там и свету конец, и спокойствию.

Живёт на Сибири самоядь яса́шна, страшна: заре́чна, ми́нна, долинна. Живут дивьи народы Гоги и Магоги. Их же великий хан Мамай, да воеводы сибирские, да славный атаман Ермак, в гору заключил. А выйти им через Алтай-горы, к Великому дню Всесветлого Воскресения. Чрез кровь святую Христову, Иисусову. Чрез свет небесный, чудес Матери Божией Пречистой.

О ХРИСТЕ ВЕЧНО НАМИ РАСПИНАЕМОМ

СОН ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

«Мати Возлюбленная, Госпожа Пресвятая Богородица. Поведай Мне сон свой. И что Ты во сне своем про меня видела!»

Опочивала Пресвятая Богородица во святом граде Вифлееме июдейстем. В месяце марте, в тридцатом числе. Во святой святыне, во святой горе, во вертепе. Над святой рекой, над Ерданию.

Ложилась Владычица спать и почивать. Владычице мало спалось. И во сне много виделось. Видела сон страшен и грозен, и чуден. Про возлюбленного Сына своего. Про самого Иисуса Христа, Царя Небесного, Спаса.

Как бы Его, Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, продал ученик Его Июда Скариотский. Ценою за тридесять сребрениц.

И, в скорости после, Христос взят был стражей,

в ночной облаве, в Гефсиманском лесу. И приведен был на поругание в стражню. И отдан был к Понтийскому пилату, игемону * на суд.

И на кресте Христа, распяли, на трёх древах. На кедре, на кипарисе, и на пегве. ** Промежду двух разбойников, на горе Холгофе. Руки и ноги гвоздями пригвоздили. Копьем ребро Его пронзили, святую кровь пролили.

И вот, луна кровью облилась. И солнце померкло. Небо и земля потрясены. Церковная завеса на двое разорвалась, сверху и до низу. Камение распалось, гробы отверзлись. И многие усопшие восстали из мертвых.

И видела Пресвятая Богородица Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия. Поруганного, оплеванного, биенного. И видела Его в кровавом терновом венце. Видела, как Он был в гроб положен. И в землю погребен. И в третий день, по писанию, воскрес из гроба.

И видела Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на Превышнем Престоле.

И как пришёл к Ней Христос, Спаситель мира сего. К Ней, к матери Своей пришёл, и сказал:

— Мати Моя возлюбленная Госпожа Пресвятая Богородица! Спишь ли ты, или так лежишь? Встань, пробудись!

И отвечала Ему Пресвятая Богородица, Христу, Сыну своему:

— Глаголю я Тебе: спала я во святом граде Ефлиееме июдейстем. Во святой святыне, во святой горе, во вертепе. Над святою рекою Ерданию.

Ложилась я, Владычица, спать и почивать. Мне, Владычице мало спалось. Сон видела, и страшен, и гро-

---

* Игемон — правитель области.

** Певг — хвойное дерево, пихта. «И укрепи внутрь храма боками певговыми» (3-я Книга Царств, VI, 16).

зен, и чуден. Про Тебя сон, про Сына моего, Христа Света. И нельзя Тебе сон сей поведать!

И сказал Ей Господь наш Иисус Христос:

— Мати возлюбленная, Госпожа Пресвятая Богородица! Поведай Мне сон Твой. И что Ты во сне Своем видела про Меня?

И отвечала Христу Пресвятая Богородица:

— Как бы Тебя, Господа моего, предал превозлюбленный друг Твой, ученик Твой, Июда Искариоцький. И Тебя взяли на поругание, и на муки, и на казнь!

Сказал ей Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель мира сего:

— Мати Моя возлюбленная, Госпожа Пресвятая Богородица! Подлинно, сон Твой не ложен, что Ты во сне своем видела про Меня страсти, то всё надо мною сбудется. Я на то от Тебя родился и сошёл от Отца Моего с небес. Муками и смертью крестной спасти излюбленный род человеческий. Кровью Моей избавить и вывести людей из ада преисподней, огня геéнского!

НАРОДНОЕ СКАЗАНИЕ О БОЖИЕЙ МАТЕРИ

ХОЖДЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ

ДРЕВО ЖЕЛЕЗНОЕ И ДРЕВО ЖИЗНИ

Баит кузнецу странница:

— Рече Пресвятая Богородица Михаилу Архангелу. Поведи меня, где мучатся из рода в род разные народы. Где вопли грешников и тьма кромешная. Где черви верченые, неусыпные и муки неизбывные, вечные!

Привёл Михаил Архангел Пресвятую Богородицу к древу железному. На нём ветви огненные, огнём полыхающие, Бога хающие. Тут многие народы — псы двуногие, мучатся.

А кузнец кувалду взял, ею эдак, как пёрышком помахал и сказал:

— Станет мукам конец и воспрянет древо жизни. А древо железное, огнём полыхающее, Бога хающее, будет в бездне. Но Господь и его возжалеет. И оно заалеет зарёй новой, светом тихим, святым славословием!

Тут баила странница, услыша кузнеца:

— Тогда возрадуется Пресвятая Богородица и от радости возрыдает. Сына Божия облобызает и Сыну Божию скажет:

— Благодарение Тебе, Сыне, что мир не сгинул!

ХРИСТОВА МОЛИТВА
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

«...И когда пришли на место, называемое лобное, там распяли Его...

Иисус же говорил:

— Отче! Прости им, ибо не знают, что делают...»

(Евангелие от Луки, гл. 23, стихи 33, 34).

Шла странница со священного моря Байкала, через Урал-Камень.

Через гору железную, Благодать называемую. Через Златоуст-град, огненный, рудою пылающий!

Мимо палат сольвычегодских светлого графа Строганова.

На студённое Белое море, к тихой обители пчельих святителей Зосимы Саватию.

Странница к нам зашла, в слободу Кейскую. Села у нас на завалинке отдохнуть и сказала:

— Шла Пресвятая Богородица по земле, шла, приустала. Легла спать, приуснула. Привиделся Ей сон про Господа Бога, про Христа Небесного.

Завели, будто, Его на гору. Тело Христово терзали. Голову зашибли, Святую кровь проливали. Руки и ноги гвоздием приковали. А Он, Христос, за своих мучителей молится:

— Отче! Прости им, ибо не знают, что творят.

А кто эту молитву прочтёт, по утренней заре и по вечерней заре, избавлен будет от мук вечных. От огня палящего, от смолы кипящей, пожирающей, от бездны вод топящей.

Ушла странница. А баушка Масеиха про нее и говорит:

— Не иначе это, как Сама Пресвятая Богородица. Из века в век она неустанно по земле ходит и о нас грешных Богу молится!

И мы не раз Богородицину молитву читали, от всяких бед спасаясь. А бед у нас убогих было много. Слободу же нашу Кейскую назвали Мариинском, * градом — Марии, Пресвятой Богородицы.

---

* Мариинск (на реке Кие) Томской губернии.

В СЛОБОДЕ КЕЙСКОЙ
ИЛИ
ГРАДЕ ПРЕСВЯТОЙ МАРИИ

Город Кунгур у нас ярмарками и производством сапогов славился.

И хотя он находился в Пермской губернии, но, как-то тяготел к Сибири.

И, мы, сибиряки, его считали своим городом, и даже шутили:

— Пермяки те же сибиряки. Особенно кунгурцы!

Кунгурцы целыми обозами, в больших коробах, приезжали к нам на базар, и наваливали высоченные горы сапогов, приговаривая:

— Сапоги, сапожки,
Ванькам, Терешкам,
Бери, выбирай,
Носи, не теряй!

И раздавали нам матерчатые или бумажные иконки кунгурского монастыря, построенного во имя святого Алексия, человека Божия.

— Пресвятая Богородица поручила нам вас, каторжных, обувать. А Сама Богородица из-за вас разутая ходит. Может вы, обувшись, к нам на богомолье пожалуете!

На кунгурской иконе, у Божьей Матери, был на левой руке Предвечный Младенец; а в правой — цветок, скорее похожий на ромашку, знаменующий скромность, душевную чистоту и неувядаемость.

Мы восторгались кунгурцами, пахнущими кожей и дегтем, раздающими иконку — Неувядаем Цвет называемую.

В нашей слободе Кейской, позже названной городом Святой Марии, праздновали Неувядаемый Цвет в конце каждого текущего года, тридцать первого декабря, в начале нового лета Господня благоприятного.

КУПИНА НЕОПАЛИМАЯ

Ходила Пресвятая Богородица по тундрам нашим сибирским. На руках Христа-Младенца держала. Ходила по горам-лесам, по дубравам. Во тайгах тёмных несусветных бедствовала. По сёлам невесёлым, по городам-острожьям непригожим. Во полях ходила, во пустынях со Христовым именем.

Приутомились Её ручиньки, приустали, искалечились. И прилегла Она под деревцо терновое. Под той святой терновый куст — Купину Неопалимую. Предвечного Младенца к себе на колени положила. А и Сама не опознала, как опочила.

Собрались ангелы, архангелы Её сон с Младенцем-Христом охраняти, Её в Её сне оберегать. А сон Ей снится, как в самом святом городе Вифлееме, в самом святом вертепе Она чадо своё спородила. В пелены пеленала, в ясли на соломку полагала. В святую Ердань окунала.

Над святой Ерданью рекой выросло дерево кипарисовое. Вечно-зелёное, к небу устремлённое. Красы неописанной, неоглядной. Явился на древе-кипарисе, по под-небесью, чуден крест — Крест Господень.

Быть Христу на том кресте распяту.

Люди руци и нози к кипарису древу пригвоздиша. Тростию-кремнем главу преломиша. Копием-железом ребра прободаша. На Святой Лик Христов наплеваша. Его же, Христа Милосердного проклинаша. Над Ним же, Христом, Милостивым надругашася.

Ко Христу Мати-Божия припадала. Скорбными устами прошептала:

— Почто волею дался на распятие?

Уж тут Истинный Христос, Царь Небесный, Свою Мать стал утешати. Гласом возглашати:

— Не плачь, Мати, не рыдай, Мати! Не роси очи ясные, не скорби! Я сам по Тебе буду. Уж я сам Твою душу на небеса вознесу, ко Твоему светлому сну — Святому Успению. Спишу Твой лик на икону, светом опояшу. Как ризою драгоценной украшу сиянием чудесным. Водружу Твою икону во Божью церкву. Во Божью церкву, да за престол Отца, Бога Нашего. Стану Твоему лику молиться, стану Твоему лику поклоняться.

А Тебе, Мати, над миром воцариться, Владычицей Небесной. Чудеса творити, Неопалимой Купиной именоватися!

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕГЕНДЫ О БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Того же автора вышли сборники стихов:

Аргыщь; Тундра; Арктика; Айсберги; Шаманы; Чум; Заполярье; Пески поют; Ковыль да поле; Тайга; Северные цветы; Дунюшка-Дуняша (из цикла «Деревенька»); Самоцветы; Степные Огни Пророки (Библейские напевы); Песнь Песней; Благовестие; Аве Мария; Созвездия; Чудны Лики Твои Пресвятая; Сказки и Легенды Сибирские (Проза).

Готовятся к печати:

Проза:

Моя Сибирь (рассказы и очерки); Восточные легенды; Об ушедших поэтах.

Сборники стихов:

Бессмертие прошлого; Снежная Псалтырь; И Крест и розы; Северное послание; Вершины; Таежные тропы. Пескам моим; В лугах духовных.